

«Он всегда был за свободу...»

Борис Васильев был чудесен. Знаете, что интересно: Васильеву на полях его рукописей Борис Полевой рисовал «22». В терминологии Полевого «22» означал перебор - стилистический, эмоциональный... Особенно был испещрен этими «22» роман «В списках не значился». Этот роман действительно зашкаливает на фоне тогдашней литературы: он и страшнее, и эмоционально напряженнее. Вообще Васильев - писатель очень большого эмоционального напора, тогда это даже казалось чрезмерным. Но теперешнего российского читателя только так и можно прошибить. «В списках не значился», и «Жила-была Клабочка», и «Вы чье, старичье?» - это вещи, в которых автор действительно ударяет читателя сильнее, чем надо, и ниже пояса. Там есть чудовищные вещи, страшные сцены. В романе «В списках не значился» вся третья часть - за пределами: и гибель Мирры, и расстрел из огнеметов. Помню, как тогда, в 60-70-ые говорили, что он просто бьет по голому нерву. Но все это осталось. Он как бы предвидел сегодняшнюю эмоциональную глухоту. Его стратегия себя оправдала. И очень жалко, что сейчас так мало писателей, которые с такой шоковой силой способны о чем-то говорить.

Были у Васильева неровные вещи. На мой взгляд, ему не следовало писать историческую прозу, а он работал над этими бесконечными «Были и небыли». Но как только он касался того, что его лично волновало, того, в чем он участвовал, он выдавал вещи исключительно подлинные. Кроме того - что большая редкость

*Борис Васильев на церемонии вручения премии «НИКА»
«За честь и достоинство»*

для писателя - он был очень хороший человек. Я несколько раз звонил ему брать интервью. И меня всегда поражало, что, невзирая на всю свою военную славу, на свое офицерство, на долгий опыт советской жизни, он всегда был за свободу. Никогда не кичился славой предков и собственной славой, но был человеком в высшем смысле гуманистических убеждений. Ему казалось всегда, что частная человеческая судьба важнее любого державного величия. Вот почему его военная проза так трогала и в свое время воспринималась как прорыв. Он видел человека, а державные вещи и всю эту кровавую паточку он решительным образом отметал. Он воевал и знал, что это такое.

*Материал Веры Копыловой.
Опубликован в газете «Вечерняя Москва» 11 марта 2013 г.*